

РАЗДЕЛ IV
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И БИЗНЕС

PART IV. VOCATIONAL TRAINING AND BUSINESS

УДК 37.014.3

**ШКОЛА – УНИВЕРСИТЕТ – БИЗНЕС – ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ**

О. А. Донских (Новосибирск)

В статье автор рассуждает о характере управления реформой образования в России, в частности о ее ориентации на бизнес-структуры. Показано, что противоречивость процесса реформирования связана с неопределенностью социальной структуры общества и с отсутствием интереса бизнеса в действительном развитии системы отечественного образования.

Ключевые слова: реформа образования, средний класс, бизнес, групповые интересы.

**SCHOOL – UNIVERSITY – BUSINESS – THE PROBLEMS
OF SOCIAL MANAGEMENT**

O. A. Donskikh (Novosibirsk)

In the article the author discuss the nature of the educational reform management in Russia, in particular, about its orientation towards business. It is shown that the contradictory nature of the process of reforming is connected with the uncertainty of the social structure of the society and with the fact that business is not really interested in the development of the domestic system of education.

Key words: educational reform, middle class, business, group interests.

О взаимодействии бизнеса и образования активно начали говорить с 2004–2005 гг. Но имеющийся опыт показал весьма своеобразный результат этого поворота к бизнесу: «данные, полученные в пилотном исследовании, позволяют сделать некоторые предварительные выводы и выявить ряд тенденций, таких как, во-первых, серьезное сокращение взаимодействия образовательных учреждений высшей школы и бизнес-структур в 2009 г., свертывание многих программ, которые еще в 2008 г. достаточно

© Донских О. А., 2013

Донских Олег Альбертович – доктор философских наук, профессор, PhD (Monash, Australia), заведующий кафедрой философии, Новосибирский государственный университет экономики и управления.

E-mail: olegdonskikh@yandex.ru

активно развивались; во-вторых, отсутствие оперативной и систематизированной информации у 27,5 % вузов и 10,3 % бизнес-структур, каналов ее передачи и налаженного механизма обратной связи...» [1].

Таким образом, в течение четырех лет наблюдалось обратное соотношение между стремлением привлечь бизнес к активному развитию системы образования и полученным результатом. С 2008–2009 гг. начинает активно внедряться идея модернизации и инноваций, которые связываются с деятельностью бизнеса и, соответственно, также, по мысли реформаторов нашего образования, должны привлекать его к заказу на образовательные услуги. И, разумеется, последовали победные рапорты. В качестве примера можно привести отчет о XV фестивале-выставке «Образование. Карьера. Бизнес», состоявшейся в апреле 2012 г. в Ростове-на-Дону: «...в последние годы российское образование и по своему содержанию, и по структуре действительно меняется просто на глазах. Наш колоссальный опыт классического, фундаментального образования наконец-то начинает тесно взаимодействовать с прикладным. Результаты есть! Выпускникам образовательных учреждений уже не нужно «переучиваться» на производстве, как ранее. Они приходят на предприятия подготовленными и квалифицированными» [2]. Таким образом, в Ростове-на-Дону все нормально. В Ивановской области к этому еще только стремятся. Описывая проект «Синергия», который должен поставить образование под диктат бизнеса, С. В. Луценко пишет: «Заключительным этапом в реализации проекта «Синергия» должны стать перечень мер (технологий «под ключ») по созданию в вузах полноценных учебно-методических структур, ведающих практикой, с четко очерченными функциями, границами полномочий и ответственности, бюджетом, устойчивым кадровым составом. В результате удалось бы централизованно собирать заказы на проекты со стороны бизнеса и государственных организаций с перспективой выведения на возмездную основу (по мере демонстрации способностей по разработке действительно эффективных проектов для заказчика)» [3, с. 71]. Вполне вписывается в эту радужную картину и та перспектива, которую рисуют преподаватели НИУ «ВШЭ»: «Прямое взаимодействие бизнеса с учащимися и профессорско-преподавательским составом вузов с каждым годом приобретает все большее значение. Любой бизнес нуждается в молодых инициативных кадрах, способных генерировать новые идеи. Базовая теоретическая подготовка позволяет студентам – будущим бакалаврам и специалистам – осуществлять комплексный подход к большинству проблем, с которыми может столкнуться бизнес в современных российских реалиях» [4, с. 99]. При всем этом возникает ряд вопросов, которые касаются как самой идеи активного привлечения бизнеса к постановке целей университетского образования, так и возможностей отечественного бизнеса выступить в подобном качестве.

Реформа образования с разной степенью интенсивности идет у нас уже более двух десятилетий. Если взять уже упомянутый 2004 г., когда министром образования и науки РФ стал А. А. Фурсенко, то за это время произошел переход к бакалавриату и магистратуре, ЕГЭ стал обязательным, вводятся стандарты третьего поколения и разрабатываются последующие и т. д. В то же время для ключевых участников реформы, т. е. для преподавателей (средней и высшей школы) остается непонятной общая направленность преобразований, а то, как они проводятся, воспринимается с глу-

хим недовольством. Об этом хорошо свидетельствуют социологические исследования. Например, А. Л. Андреев, оценивая результаты реформирования, пишет: «В целом, однако, положение в образовании все еще воспринимается как неудовлетворительное. Многие инициированные в последнее время сверху меры расцениваются как пример того, что можно назвать *негативной модернизацией*. Можно даже, на наш взгляд, говорить о существующей в обществе оппозиции по отношению к той модели модернизации образования, которая в настоящее время проводится в России» [5, с. 119]. Здесь обращает на себя внимание мягкость формулировки «все еще воспринимается», которая дезавуируется фразой о существующей оппозиции.

Основную причину такого отношения легко понять, учитывая чисто административный характер проводимых мероприятий. Вместо того, чтобы внятно объяснить их цели, указать, что именно, как и зачем будет реформироваться, в общество все время вбрасываются примитивные плохо обоснованные утверждения о положении дел, на основе которых делаются выводы о необходимости преобразований в том или ином направлении. Но все это бессистемно и малоубедительно.

Так, совершенно не учитываются традиции отечественного образования (и это несмотря на то, что в нормативных документах говорится о сохранении того лучшего, что в нем есть). «К сожалению, нынешние российские образовательные реформы разрабатываются фактически в русле чистого оргпроектирования и мало привязаны к конкретным социально-культурным условиям страны» [5, с. 120]. Более резкая и более адекватная оценка ситуации дается, например, А. И. Фурсовым: «Противники – профессионалы, родители, общественность; сторонники – главным образом чиновники и обслуживающие их интересы “исследовательские структуры” – продавливают “реформу”, несмотря на широкие протесты. Пишу слово “реформа” в кавычках, поскольку реформа – это нечто созидательное. То, что делают с образованием в РФ, – это разрушение, сознательное или по глупости, некомпетентности и непрофессионализму, но разрушение» [6]. Но совершенно очевидно, что за таким процессом, поскольку он касается ключевой сферы общественной жизни, стоят чьи-то групповые интересы.

Основной тезис данной статьи можно сформулировать так: противоречивость процесса реформирования связана с неопределенностью социальной структуры общества, и, соответственно, с тем фактом, что разные группы влияния периодически выходят на первый план и диктуют свои условия. В этой ситуации бизнес, в принципе, не способен определять цели образовательной системы дальше, чем заказывать краткосрочные специализированные курсы. Поэтому ориентироваться на плодотворное взаимодействие бизнеса и образования в серьезной перспективе не приходится.

Иначе говоря, если бы в современной России был мощный средний класс и, соответственно, влиятельное гражданское общество, ситуация с системой образования была бы другой.

Начнем с вопроса: в чьих интересах проводится реформа образования? По идее, это должны быть интересы среднего класса, поскольку именно он является стержнем общественной системы, построенной на базе капиталистической экономики (я сейчас оставляю в стороне вопрос о характере зависимости между социальным положением определенной группы и ее обобщенными интересами). Если двигаться по логике, что

именно среднему классу нужна модернизация экономики, то по этому признаку Л. А. Беляева оценивает численность среднего класса в одну четверть населения: «Если говорить о взрослом населении в целом, то социальную базу модернизации можно оценить в одну четверть населения. Именно такова доля среднего класса...» [7, с. 23]. Но возникают очень серьезные сомнения в том, что здесь можно проводить знак равенства. Не случайно то же исследование показало, что «... в отношении краеугольных политических предпосылок модернизации – требований законности, свободы, равенства прав – все социальные слои показали поразительно единодушие. Различия в признании их важности составляют несколько процентов, а поддержка – на уровне 80–90 %. Но это отнюдь не означает, что в реальном поведении респонденты следуют этим идеям, в то же время очевидна острота этих проблем и неудовлетворенность их состоянием» [7, с. 25]. Это дополнительно означает, что среднего класса как социально и социально определенной группы в настоящее время не существует. А единственный критерий – уровень потребления – такой определяющей функции ни в коей мере не выполняет. Представляется, что правильное говорить о некоей прослойке, которую Р. Х. Симонян называет «средним потребительским слоем». Это не класс, а нечто совсем другое – это «... весьма зыбкая социальная прослойка, что особенно характерно для переходных обществ. В силу тех или иных колебаний, например, рыночной или политической конъюнктуры, часть среднего потребительского слоя может выпасть в нижний потребительский слой или, наоборот, подняться вверх.

В отличие от общественного класса (социальная категория), потребительский слой (статистическая категория) устойчивостью не обладает, поэтому не может выполнять функцию основы общества, каковую выполняет средний класс. Средний потребительский слой в нынешней России не может осуществлять функцию социального стабилизатора, определенную М. Вебером. Сегодня четверть этого «стабилизатора» склоняется к эмиграции, а три четверти надеются отправить своих детей жить за границу. У среднего потребительского слоя нет ни классового самосознания, ни классовых интересов, ни классовой солидарности, ни других основополагающих признаков класса» [8, с. 46]. Действительно, одна из наиболее характерных черт данной прослойки – стремление обеспечить определенные ключевые позиции не за счет и не на территории своего государства, а за счет заграницы. Это касается, во-первых, получаемых доходов (которые в России не гарантированы), и, во-вторых, будущего детей. В данном контексте очень показательны результаты соответствующего всероссийского опроса, проведенного Левада-Центром в мае 2011 г. «На вопрос «Хотели бы Вы уехать за границу на постоянное жительство?» утвердительный ответ дали 33 % специалистов, 53 % предпринимателей и 54 % учащихся и студентов» [8, с. 42]. Здесь особенно показателен тот результат, что за границу хотят уехать 53 % предпринимателей, т. е. тех, кто в нормальном капиталистическом обществе составляет ядро среднего класса. В этих условиях говорить о том, что рыхлая прослойка, серьезно ориентированная на западные ценности, способна отстаивать определенную позицию в отношении отечественного образования, не приходится.

Остается еще значительное количество людей, которые неадекватно учитываются в структуре нашего общества, поскольку они не составляют цельной общественной группы, и их интересы не могут быть ясно сформу-

лированы, за исключением стремления выйти за пределы черты бедности. Р. Х. Симонян пишет: «Неадекватные представления о социальной структуре нынешнего российского общества связаны еще и с тем, что оценки формируются в больших городах, а бедные в России – это чаще всего трудоспособные жители сел и маленьких городов, имеющие детей. Очень высока доля проживающих ниже официальной черты бедности среди работников образования, культуры и здравоохранения» [8, с. 42]. В результате, те, от кого зависит уровень функционирования системы образования, по своему жалкому социальному положению исключаются из состава тех, кто влияет на решения, принимаемые в данной сфере.

Остается единственная социальная группа, которая может от имени государства давать задание на реформирование образовательной системы. Это так называемая элита. В настоящей статье нет смысла анализировать структуру этой группы, достаточно указать на то, что ядро этой группы составляют те, кто связан с получением доходов от продажи сырьевых ресурсов страны. Учитывая, что они еще в большей степени, чем средний потребительский слой, ориентированы на обучение своих детей в иностранных университетах, очевидно, что реформа отечественного образования лежит за пределами их непосредственных интересов. В то же время представители нашей элиты, несомненно, поддерживают любые преобразования, которые 1) минимизируют расходы на систему образования и 2) так или иначе ориентируются на западные образовательные модели. И, собственно говоря, именно элита осуществляет попытки переложить на бизнес образовательные расходы.

Что же в этих условиях получается? Во-первых, нет значимой общественной группы, которая была бы напрямую заинтересована в качественном реформировании системы образования. Существующие интересы можно зафиксировать следующим образом: повышение доходов тех, кто работает в данной сфере – учителей и преподавателей высшей школы (поскольку их доходы находятся на уровне ниже средних доходов по промышленности); получение знаний в тех областях, которые позволяют облегчить пребывание за границей (это, в первую очередь, знание иностранных языков); получение дипломов, позволяющих несколько упрочить или повысить статус работающих (в гораздо меньшей степени получение знаний, предполагаемых фактом выдачи данных дипломов); получение гарантированных доходов от процесса реформирования системы образования (эксперты, занятые составлением программ преобразований, стандартов третьего и последующих поколений, методических пособий; издатели учебной и методической литературы; руководители вузов и структур, непосредственно связанных с реформой); и, разумеется, существует еще группа непосредственно связанных с элитой или прямо входящих в нее собственников, заинтересованных в том, чтобы уровень образования в России гарантировал сохранение ее статуса в качестве сырьевого придатка развитых экономик.

Одно из направлений, которому следует Министерство образования и науки, – перераспределение бюджетных мест с гуманитарных специальностей на естественные и инженерные. Делается это потому, что у нас в стране перебор с гуманитариями.

Но остановимся подробнее на экономистах, юристах и педагогах, о которых министр сказал, что «это специальности, которые не обеспечивают

нормальные рабочие места. Это дорога в никуда» [9]. Сложно понять, правда, что здесь значит выражение «нормальное рабочее место». По-видимому, речь идет о «готовых рабочих местах».

Возьмем для сравнения выпускника по группе специальностей «экономика и управления» и по группе специальностей «авиационная и ракетно-космическая техника», нормальное рабочее место для последнего – действующий завод гражданской авиации, много было таких в 1990-х гг.? А сейчас? А сколько нужно сейчас судостроителей, если ряд судостроительных заводов остался на Украине, а влекущие жалкое существование на территории России планируется занять строительством «Мистралей»?

Экономисты и юристы тем и отличаются от других специалистов, что, во-первых, создание рабочих мест для них не требует значительных затрат, во-вторых, они – сами рабочее место. Получая высшее образование по направлениям гуманитарного профиля, население России создавало и создает себе материальную подушку безопасности в условиях турбулентной российской действительности. На уровне домохозяйства физик-ядерщик едва ли будет востребован в части своих специальных знаний и квалификации; юрист, экономист, педагог – потенциальный источник дополнительных семейных доходов или экономии затрат. Совершенно оправдана позиция директора Института развития образования ГУ-ВШЭ И. Абанкиной: «Экономические и юридические знания – это, скорее, уже не высшее образование, а абсолютно необходимый базис для современного человека. Выпускник экономического факультета необязательно будет работать по профессии, он может использовать полученные знания, например, для организации своего бизнеса» [10]. Сейчас в России около миллиона предприятий малого бизнеса, несколько миллионов индивидуальных предпринимателей, вклад этого сектора в российский ВВП – на уровне 20 %, и это 14–15 % общей численности занятых в экономике страны. В значительной части этот сектор создан гуманитариями. На самом деле, и само государство активно формирует повышенный спрос на экономические и юридические специальности: многократно увеличился финансовый сектор экономики (банки, страховые компании, фонды), вновь создано множество фискальных и контрольных структур [11].

Возьмем ситуацию с педагогическим образованием. Из школы «...выпускник должен приходить в вуз с желанием и интересом к учебе, с намерением работать, чего чаще всего и не бывает. Что же получается в действительности? Школа не формирует интерес к учению, установку на него. Педагогическим вузам же решить эту проблему, работая с немотивированными на учебу и будущую профессию студентами (вдобавок часто не владеющими умениями и навыками самостоятельной работы, не стремящимися к самообразованию), оказывается невероятно сложно» [12, с. 92]. Но разнонаправленные интересы определяют ситуацию в образовательной сфере. Очень показательны в этом отношении, например, исследование, посвященное изменению характера интересов учащейся молодежи. Эти интересы по мере обучения сдвигаются от получения знаний к получению диплома, обеспечивающего в глазах молодежи определенный социальный статус. «Данный феномен – смещение акцентов в образовательных потребностях молодежи по отношению к высшему образованию с профессиональной на статусную составляющую имеет объективную причину: рынок труда не готов к принятию молодых специалистов для устройства их по спе-

циальности. А если такая возможность у выпускников вуза и возникает, то часто предлагаемая заработная плата не вызывает у них желания идти на предложенную работу» [13, с. 150]. О том же свидетельствует исследование изменений интересов студентов педагогических вузов: «Материалы социологического опроса 1469 студентов педагогических вузов г. Москвы, проведенного Центром социологии образования РАО, фиксируют у студентов педагогических вузов от 1-го к 5-му курсу снижение значимости таких мотивов, как «желание получить новые знания», «желание стать специалистом в данной области»... [12, с. 91]. То есть специальность как таковая оказывается вторичным приобретением. В то же время министерство с последовательностью, достойной лучшего применения, ориентирует систему образования на рынок труда.

Как минимум, это свидетельствует о неадекватном представлении реальной ситуации и, соответственно, о непрофессионализме. Но, по-видимому, речь должна идти о более серьезной ситуации, когда система сознательно загоняется в лузу заведомо проигрышных решений. Как свидетельствуют исследования рынка труда и его возможностей в определении образовательных трендов, в настоящих условиях он не способен серьезно и ответственно определять соответствующие направления реформы. Поэтому попытки замкнуть систему образования на потребности рынка не способны дать позитивный результат. «Основная причина неэффективности системы образования - абсолютизация потребностей участников рынка. Речь идет не только о потребности взрослого населения в приобретении диплома о высшем образовании для их детей, не только о потребности вузов в максимальном привлечении абитуриентов на платные места. В этом процессе очевидна вина работодателей, которые в условиях типичной для кризиса деградации спроса на рынке труда создают ложное представление о профессионально-квалификационном уровне его участников» [14, с. 80]. Таким образом, стремление реформаторов включить бизнес в решение проблем образования (само по себе крайне спорное – достаточно вспомнить выступления французских студентов против привлечения бизнеса в университеты) в современных условиях не является перспективным.

В то же время, как показывают другие исследования, то, в чем заинтересована элита, – получение сверхдоходов, ведет к увеличению социального расслоения. Министерством образования и науки было декларативно объявлено, что ЕГЭ направлен на уменьшение уровня коррупции и на стирание барьеров между различными группами населения. Однако, как показывает исследование Л. А. Беляевой, «социальное расслоение все в большей степени воспроизводится системой образования. Дать оценку ЕГЭ с точки зрения преодоления этой тенденции пока не представляется возможным. Приоритет свободного формирования квалифицированных кадров в соответствии со знаниями и способностями молодежи в противовес чиновничьему, сословному или доходному приоритету требует разработки специальной государственной политики – весьма затратной и организационно сложной» [15, с. 22]. В любом случае понятно, что специальная государственная политика, направленная на свободное формирование квалифицированных кадров, не только не разрабатывается, но даже не предполагается.

Совершенно очевидно, что реально определять политику в области образования может крупный стабильный бизнес. У нас это, в первую очередь, нефтегазовый сектор экономики. Однако вместо того, чтобы выступать в качестве локомотива модернизации и инноваций, в том числе и в интересующей нас сфере, он работает сам на себя. С одной стороны, нефтегазовый комплекс является очень наукоемким и технологически продвинутым, он предъявляет растущий спрос на квалифицированные кадры. И это во всем мире. Но в России происходит следующее: «слишком большую часть всего этого мы берем не из обрабатывающего сектора, не из высокотехнологичного сектора собственной экономики, а импортируем. И поэтому обратной отдачи, обусловленной спросом на высокотехнологичные наукоемкие товары и услуги – вот его на сегодняшний день в достаточной мере нет для того, чтобы можно было говорить о нефтегазовом секторе как о “локомотиве”» [16, с. 17–18]. Это означает, что и в области образования данный бизнес заинтересован лишь в той мере, чтобы заполнять не самыми квалифицированными кадрами рабочие места, тогда как требующие высокоинтеллектуальной деятельности инженерные и административные вакансии будут заполняться теми, кто ориентирован на мировую экономику.

Вывод очевиден: в настоящее время в России не существует ни одной социальной группы, которая была бы заинтересована в развитии образования как такового. Эта сфера стала полем деятельности целого ряда различных групп разного масштаба с их частными интересами. И бизнес никак не выделяется здесь в качестве субъекта, способного серьезно влиять на отечественное образование в позитивном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бизнес** и образование – 2009.1. Мониторинг Российского союза ректоров. – [Электронный ресурс]. – URL: rsr-online.ru/doc/norm/367.doc
2. **Приоритет** – взаимодействию образования и бизнеса // Парламентский Вестник Дона. – 2012. – № 4. – 29 апр.
3. **Луценко С. В.** Взаимодействие бизнеса, властей и вузов в удовлетворении региональных общественных потребностей // Теоретическая экономика. – 2012. – № 2. – С. 63–72.
4. **Зараменских Е. П., Коровкина Н. Л.** Модели взаимодействия бизнеса и высших учебных заведений // Преподавание информационных технологий в Российской Федерации : материалы Всерос. конф. – М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2012. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://2012.ит-образование.рф/section/75/6302/>
5. **Андреев А. Л.** О модернизации образования в России. Историко-социологический анализ // Социологические исследования. – 2011. – № 9. – С. 111–120.
6. **Фурсов А.** «Реформа» образования и подоплека. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/556/>.
7. **Беляева Л. А.** Динамика отношения россиян к социально-экономическим и политическим изменениям // Социологические исследования. – 2011. – № 10. – С. 11–25.
8. **Симонян Р. Х.** Реформы 1990-х годов и современная социальная структура российского общества (к 20-летию экономических реформ) // Социологические исследования. – 2012. – № 1. – С. 37–47.
9. **Фурсенко А. А.** Выступление на Совете ректоров России в июле 2009 г. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.newizv.ru/lenta/104936/>

10. **Гуманитариев** приговорили к усечению. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.slon.ru/articles/6403/comments>
11. **Глинский В. В., Донских О. А., Макаридина Е. В.** Статистика против мифологии в сфере образования // *Alma Mater Вестник высшей школы.* – 2011. – № 6. – С. 25–31.
12. **Засыпкин В. П., Зборовский Г. Е.** Модернизация педагогического образования // *Социологические исследования.* – 2011. – № 2. – С. 87–93.
13. **Цылев В. Р., Дюмина Н. Н.** Тенденции в изменении мотивов получения высшего образования у молодежи г. Мурманска // *Социологические исследования.* – 2012. – № 2. – С. 143–151.
14. **Кочетов А. Н.** Профессиональное образование и рынок труда: проблемы взаимодействия // *Социологические исследования.* – 2011. – № 5. – С. 82–90.
15. **Беляева Л. А.** Образование в России и модернизация экономики // *Социологические исследования.* – 2011. – № 12. – С. 13–24.
16. **Шмата В. В.** Выступление на круглом столе журнала «Перспективы сырьевой экономики» // *Идеи и идеалы.* – 2010. – № 2 (4). – Т. 1. – С. 17–18.

Принята редакцией 15.01.2013